

Жизнь как зебра: белая полоса,
черная полоса, белая полоса,
черная полоса... а потом – ж*па.
Петрова Е. «Лейна»

ГЛАВА 1

Невезучая! Кратко, ёмко и одним словом. Это про меня.

Если где-то глубоко под снегом будет зарыта собачья какашка, то её обязательно найдёт мой чистый ботинок. Мама так и говорит мне все время:

– Вечно ты, дочка, куда-то вступаешь, то в «Орифлейм», то в дерьмо.

Нет, вы не подумайте, ничего не имею против сетевого маркетинга, просто я отказываться не умею, и поэтому с завидным постоянством мои подруги вечно втягивают меня в какую-нибудь аферу, за которую я потом расплачиваюсь последними кровно нажитыми деньгами. И если непроданной косметикой я худо или бедно могу пользоваться, то что делать с канадскими ёршиками для унитаза, в количестве пятидесяти штук, которые мне благополучно впарила подруга Люська, утверждая, что через месяц они будут стоить в два раза дороже и я на них заработаю целое состояние?

Ёршики не стали пользоваться спросом ни через месяц, ни через год, зато теперь у меня на все праздники и дни рождения Люси есть замечательный, а главное, очень полезный подарок. Нет, она, конечно, поначалу сильно обижалась, а сейчас ничего... Моего прихода с очередным унитазным чудом прогресса ждут все гости как священного ритуала. И когда под дружественные аплодисменты и хохот Люська открывает коробку, выволакивая оттуда очередной ёрш, гости начинают изгаляться в фантазиях, куда его еще можно применить, кроме прямого назначения. Кто-то даже предлагал из них икебану сделать, а один дядечка сказал, что если их покрасить в зелёный цвет, то получится очень креативная, урбанистическая, хэнд-мэйдовская ёлка. Ёршики и косметика – это, конечно, вершина айсберга, потому как не везёт мне во всем!

Знаете, есть такие фартовые люди, которые рождаются под большой счастливой звездой, и названия у этих звёзд, соответственно, красивые и поэтические, что-то вроде Альтаир, Регул или Арктур. Так вот, я – почти такая же, только с точностью до наоборот. Моя звезда, вероятно, была маленьким жёлтым карликом с очень неприятным на

званием: Жо784567345629808576... дальше ещё куча циферок, и в конце – тьфу-тьфу-тьфу – три шестёрки. В общем, за то, что я под ней родилась, она мне регулярно изошрённо мстила, посылая на мои две первые буквы от её названия всякие неприятности и геморрой. И начала она это делать в аккурат с моего имени. Потому что, вот вы как корабль назовёте, так он и поплывёт. И скажите мне, за что так надо не любить собственного ребёнка, чтобы назвать его Гея? И кому объяснишь, что Гея – это богиня земли и мать титанов, и что твои мама и папа историки, и просто помешаны на древнегреческой мифологии? Но это, может, в Древней Греции зваться Геей было почётно и престижно, а в нашей стране, где детей принято называть нормальными славянскими именами, когда на переменке тебя подружки громко звали к себе «Гей, Гей, беги к нам скорей», у всех окружающих это обращение вызывало почему-то стойкую, неоднозначную реакцию. Обычно сразу становилось тихо, и все пытались отыскать взглядом в толпе учащихся, где же этот самый... нетрадиционной ориентации, потом, очевидно, понять, что он делает в школе в женском платье, а уж после этого явно осмыслить, зачем ему надо бежать скорее, да ещё и к девочкам.

Сами понимаете, с мальчиками знакомиться с таким именем тоже было очень проблематично. Когда на вопрос: «Ты кто?» я отвечала: «Гея». Звучало это почти как "гей я". После этого на меня очень пристально смотрели. Ну, очень пристально... Особенно на то место... Ну, вы поняли, на какое место, а потом почему-то спрашивали: «Ты трансвестит, что ли?»

Обидно до слез!

Я, конечно, не Мэрилин Монро, но и на мужика в юбке точно не похожа. Наверное. Впрочем, после того, как я доходчиво объясняла малообразованным гражданам, что никакой я не гей, а просто богиня, они даже проникались. Так что мальчики у меня, несмотря на моё нетрадиционное имя, все же были. Нет, ну, как были? Ключевые слова в этом моменте – «были» и «недолго». Потому что как только дело доходило до чего-то серьёзного, с ними тут же что-то случалось.

Первый поцелуй запечатлелся в моей памяти и истории моей школы знаменательнейшим и запоминающимся событием. В десятом классе родители, желая, дабы у меня улыбка соответствовала подаренному ими с рождения статусу богини, поставили мне брекеты. И надо же было случиться такому недоразумению, что моему горе-кавалеру, Валерке из 10 –Б, их поставили тоже. И вот, когда настал эпический момент кульминации, так сказать, наших с ним коридорно – заугольных отношений, и Валерка, зажав, меня на переменке под лестницей, ведущей на второй этаж, попытался воплотить в жизнь мои самые несмелые девичьи фантазии, его брекеты вдруг вспыхнули нешуточной страстью к железякам, находившимся у меня во рту.

Они любили друг друга долго и нежно. Брекеты, в смысле. Потому что мы с Валеркой, тщетно пытаюсь отцепить их на протяжении целого урока, к следующей перемене начали друг друга тихо ненавидеть. Через два часа жалких потуг с моей стороны и отборных матов со стороны Валерки, мы выползли из-под лестницы, навечно войдя в

анналы истории нашей школы как «парочка неразлучников». Директриса вызвала МЧС-ников, и разлучить нас смогли только в центральной стоматологической поликлинике города, проведя коридором позора сквозь строй записанных на приём к ортодонту граждан. Надо ли объяснять, что после подобной экзекуции желание лобызаться с кем-либо ещё у меня отпало напрочь. Ну, по крайней мере, до тех пор, пока с меня не сняли брекеты.

В общем, в школе я была почти легендарной личностью. Потому что имя – это было полбеда, главным приложением к нему была я, ходячая катастрофа. Там где ступала моя лёгкая ножка или всовывался любопытный нос, обязательно случалась какая-нибудь пакость. Если нужно было сорвать урок, отмазаться от физкультуры или загуглять контрольную, я была волшебной палочкой-выручалочкой. Там, где появлялась я, все время что-то случалось. Ну так, по мелочам. Например, на зачётной контрольной, когда я позвала учительницу, чтобы задать вопрос, у неё случайно сломался каблук, и она, падая, каким-то непостижимым образом сломала себе руку, а пока над ней все кудахтали и вызывали скорую, весь класс благополучно все списал. У физкультурника сложился гимнастический снаряд в тот момент, когда он показывал мне на брусках акробатическую фигуру. Когда его откопали из-под металлических столбиков и деревяшек, на лбу у него красовалась здоровенная шишка, а под глазом – приличный такой фюфан. И все сочли бы это за досадное недоразумение и случайность, если бы в следующий раз, когда он подстраховывал меня в момент моего героического ползания по канату, этот самый канат не оборвался бы, и я своей «Марфой Васильевной», ну, в смысле, тем местом, что пониже спины будет, не упала Марку Борисовичу на то место, которым он обычно думал. И думать он после этого явно стал через раз. Мозгов-то у физруков и так не ахти, а тут я вышибла последние. Почему последние? Потому что если бы они у него остались, он не дал бы мне в руки мяч для метания и не стал бы ждать пока я заеду ему им прямо в глаз. Опять же случайно, конечно. Правда, после этого чего-то там у него в голове, видно, стало на место. Когда я с толпой одноклассников подбежала к нему, лежащему на земле, он вышел из ступора и, ткнув в меня пальцем, с благоговейным ужасом произнёс:

– Знаешь, Антипенко, ты на физкультуру можешь больше не ходить. Я тебе пятёрку автоматом до конца твоей учёбы в школе ставлю.

Ну, это он сильно погорячился – не ходить! Теперь меня туда специально таскали одноклассники. Вот как только надо было стометровку или три километра сдавать, так и таскали. И что характерно: как только Марк Борисович видел меня, его вдруг срочно куда-то вызывали, как следствие – весь урок мы играли в пионербол.

Мы – это громко сказано... Играть меня не брали. Ну, правильно. Кто же даст в руки мяч ходячему невезению, я ведь обязательно его либо через забор переброшу или в голову кому-нибудь попаду, а ещё хуже – проколю. Как у меня так получалось, я не знаю, но в моих руках все ломалось, горело и взрывалось. Стоило мне подойти к доске

с мелом, как она почему-то обрывалась со стенки и падала. Вот всю жизнь висела, а тут возьми и упади.

Однажды классуха мне ключ от кабинета дала, пока она в учительскую за журналом ходила, так вот, как только я ключик в замок вставила, его тут же и заклинило. Радости остальных, конечно, не было предела, трудовик ведь дверь только через полчаса смог открыть, а пока мы все расселись, урок и закончился. А мне в дневник пару вlepили и написали «сорвала урок». Можно подумать, что я специально. Трудовик меня вообще тихо ненавидел. Ну да, а с чего бы ему меня любить, если каждый день после меня в столовке и туалете краны ремонтировали? И главное, я к ним почти не дотрагивалась, можно сказать, не дышала даже, а они, сволочи, брали и срывались, только я к воде руку подносила.

В общем, окончанием мною школы, школа, по-моему, радовалась больше меня. Меня провожали с песнями, шарами, цветами и бурными овациями. И самое интересное, всем покидавшим родные пенаты обычно говорили, что будут всегда рады видеть их снова под какую-нибудь душещипательную мелодию типа «Крыша дома моего», мой же звёздный выход на вручение диплома сопровождала жизнеутверждающая песня группы Ария «Уходи и не возвращайся». Ди-джей потом оправдывался, что, мол, трэк попутал, опять же случайно. Но по тому, как притопывала в такт мелодии директриса, пока я шла по проходу, и как яростно хлопал в ладоши физрук, и иже с ним физичка, историчка, химичка и вся королевская рать, и даже военрук, которому я накануне порвала противогаз и прострелила ботинок из винтовки, хотя он утверждал, что патронов в ней отродясь не было, а лично в моем случае раз в году и палка стреляет, я поняла, что музыка так была мне тонким намёком на толстое аривидерчи.

Взрослая жизнь встретила меня радостными объятиями на ступенях выбранного мною вуза, причём в буквальном смысле.

Дабы произвести фурор на будущих одногруппников, чтобы всем и сразу, узнав моё имя, стало понятно, что я просто богиня, я решила надеть прикид, соответствующий высокому статусу жителя Олимпа. Роскошное бежевое платье-майка до самых пят к низу расходилось лёгким клёшем и эротично обтягивало мою, нескромно скажем, божественную фигурку, как чешуя хвост русалки, выгодно подчёркивая все, что надо было подчеркнуть. Довершали туалет такого же цвета туфли на высоченной платформе и остром, как шпиль Адмиралтейства каблуке. Критически оглядев себя в зеркале, я сделала вывод: Венера – не Венера, но что-то венерическое во мне есть!

И вот, когда я вся такая: ветер в лицо, волосики колышутся сзади, походка «от бедра», голова гордо поднята на лебединой шее, совершала свой триумфальный выход, дефилируя по крутой лестнице у входа в «кузницу кадров», шпиль Адмиралтейства зачем-то решил пришпилить русалке хвост. Каблук моих шикарных туфель зацепился за подол моего не менее шикарного платья, и богиня была низвергнута с Олимпа.

Поцеловав носом последнюю ступеньку, я гордо приняла все остальные на грудь, съехав по ним в безобразной позе раненой медузы. И лежала я у подножия храма нау

ки, носящего гордое имя – университет, растёкшись по паперти позорной бежевой лужей.

Платице, ну, то, которое было до пят, вдруг стало до ушей. Длинная юбочка, пока я считала ступеньки, а их оказалось ровно тридцать три (как несчастья), задралось мне на голову, выставив всем на обозрение мою божественную «Марфу Васильевну». Туфельки я, как порядочная Золушка, потеряла где-то на взлёте. Обе сразу. Так сказать, что б всем претендентам на мою пятую точку хватило. А чё мелочиться, два принца всегда лучше, чем один. Принцев оказалось намного больше, отскребать меня с асфальта ломанулась целая толпа. «Марфа Васильевна», затянутая в кружевные танги, впечатлила даже декана.

– Кто вы, прелестный падший ангел? – помогая мне встать, патетично поинтересовался глава факультета.

– Гея, – целомудренно оправив юбочку, ответила Гея Андреевна, и всех кавалеров мгновенно сдуло ветром. Декан зачем-то даже руки брезгливо об пиджак обтёр.

– Антипенко Гея Андреевна, – поправила я в спину стремительно покидавшему меня декану. – Извиняюсь. Туфельки не подадите?

И принцы дружно ломанулись обратно.

Вот зря они это сделали. Или я зря попросила... Туфельки-то ведь мои! А у неvezучих золушек, соответственно, и туфельки – калоши счастья, в переносном смысле.

Один из претендентов на мою руку и сердце почему-то поскользнулся в тот момент, когда со счастливой улыбкой собирался, как рыцарь в сияющих доспехах, прискакать мне на помощь и вернуть потерянный элемент гардероба. Остальные, менее удачливые претенденты, оказались совсем неудачливыми, когда летящий вниз с моей туфлей потенциальный принц снёс их всех, как локомотив Анну Каренину.

Первый раз в жизни мужики у моих ног лежали штабелями. И самым красивым штабелем в разномастной куче был декан. Он скромно пристроился на самом вершине свалки, сжимая в вытянутой руке мой офигительный башмак.

Собравшаяся за моей спиной толпа зевак истерически ржала, радуясь халявному цирковому представлению, а я что, я ничего, тоже себе так тихонько стояла и хихикала. Ну, смешно ведь. И тут у декана прорезался голос:

– А вы, веселящийся очаровательный демон, с какого факультета?

Уже определился бы с формулировочкой, а то сначала ангел, потом демон. И как-то мне его непоследовательность сильно не понравилась. Попыталась выдрать у него свою туфлю, но он, злобно прищурившись, прижал её к впалой груди и ехидненько так опять спросил:

– Так с какого факультета?

Ржать вокруг все почему-то перестали, и даже куча принцев под деканом как-то разом прекратила жужжать и изображать разворошённое осиное гнездо.

– Экономического, – испуганно проблеяла я.

– За-ме-ча-тель-но, – как-то сильно подозрительно обрадовался он. – У вас оценки плохие были?

– Не-а, – а это он вообще, к чему спросил?

– Будут, – добил меня гражданин преподаватель откровенно хамоватой наружности. Угрожаем, значит? Зря. Я ж, когда злая, я ж ни разу не невезучая, я тогда полная и абсолютная, та, которая начинается на две первых буквы от названия моей звезды.

– А у вас в университете несчастные случаи были?

Кодло принцев замерло на вздохе, скосив глаза с меня на явно прифигевшего от моей наглости декана. Деканистое хамло перестало слащаво лыбиться и беспардонно лапять мою туфлю.

– Нет.

– Будут, – серпом по самому сокровенному рубанула я мужика и выдрала у него из рук свою обувку.

Глава факультета качнулся, как неваляшка, и грохнулся с «постамент» красиво так задрал вверх ноги.

– Ну, я ж говорила.

«Постамент», тихо шкрябая коленками по асфальту, стал расплзаться по сторонам.

– Куды? Стоять! – поставила я босую пятку на спину подло ретирующемуся с моей второй туфлей в зубах «локомотиву». «Локомотив» плюнул мне её под ноги и скромно так представился:

– Дима.

– Ползи пока, Дима, – сжалилась я над кандидатом в принцы номер один, и он благодарно кивнув, пошкрябал дальше.

Дима оказался то ли мазохистом, то ли непокобелимым мечтателем, потому что так и ползал за мной до окончания института, причём в буквальном смысле. Точно не знаю, чем я его так впечатлила, но он с упорством быка, таранящего стену, пытался за мной ухаживать, попадая при этом в совершенно нелепые и идиотские ситуации.

Сначала он меня благопристойно приглашал в кино. И вот что странно, каждый раз фильм обрывался ровно на середине сеанса, потому как ломался проектор. Самое обидное, что если бы кинотеатр был один и тот же, я бы подумала, что у них техника рухлядь, а так как кинотеатры были разными, то приходилось списывать сие неподобство все на того же непокобелимого Диму. Нет, не из вредности ради, а чисто из соображений логики, просто когда я ходила туда одна, как ни странно, все работало.

Однажды, когда потух свет, Дима решил перевести фазу наших с ним, так сказать, поверхностных отношений в глубокую проникающую, банально полез ко мне целоваться. А у меня, знаете ли, на обмен жидкостями устойчивая нейронная реакция. Нет, ну, вы поймите, мне Валеркины брекеты, после того как нас расцепили, год в страшном сне снились. Вот я и дёрнулась назад, когда Дима свои грабли мне на плечи положил. Но локомотивы, они же с дороги сворачивать не умеют и едут дальше, пока стоп-кран не сорвёшь, поэтому Дима дёрнулся следом. И вот тут раздался жуткий треск...

Как такое могло произойти, ума не приложу! Ряд, на котором мы сидели, медленно накренился, а потом... хрясь, и рухнул назад вместе со всеми сидящими на нем гражданами. Шум, вопли, неразбериха. Все чего-то копошились, кричали, а Дима выполз из-под стульев и восторженно прошептал:

– Антипенко – ты отпадная женщина!

И тут я поняла – мазохист! Тьфу, да что ж так не везёт-то? Не, ну, обидно, да?

Глава факультета, в отличие от Димы, оказался более понятливым, ну, так оно не мудрено – сказался опыт и тонкое природное чутье той самой, которая начинается на две первых буквы от названия моей звезды. Что связываться со мной опасно и грозит если не членовредительством, то обязательно нехорошей болезнью на ту самую, которая начинается на две первых буквы от названия моей звезды, он просек, как только взялся внедрять в действие свою неосторожную угрозу «А у вас оценки плохие были?». Потому что рухнувшая под ним кафедра таки скромно намекнула, что несчастные случаи у них в университете все же случаются.

– Антипенко, твоих рук дело?

– Что вы, Этгем Трофимович, – скромно потупила глазки, ковыряя тувфелькой старенький паркет. – Это все Лаплас.

– Чего? – удивлённо пискнул декан.

– Не чего, а кто, – серость, таких людей, как Лаплас, надо знать в лицо. А лично в моем случае – ещё и в фас, и в профиль. – Ну, как же! Теория вероятностей! Нет, не знаете?

Декан нервно сглотнул и подозрительно сузил глазки.

– Умная, да?

– Так тут и ума-то большого не надо. Ваша кафедра, поди, самого Менделеева помнит, а паркет под ней, наверно, тоже со времён пламенных трибунов не меняли. Так что, по теории вероятностей...

– Тяни билет, – перебил мою заумную тираду злой декан. – Вот сейчас мы твою теорию вероятностей и проверим. Ты какой больше всего любишь? – ехидненько так поинтересовался он.

– Тринадцатый, – чего тут проверять, я по жизни, кроме него, ничего другого не вытягивала.

Декан порылся в стопке, выудил оттуда билет номер тринадцать, и подло так, на моих глазах, засунул его себе в карман.

Не, ну вы видели? Хамло недобитое. Моя счастливая звезда обиделась и повернулась к декану своими двумя первыми буквами.

– Тяните, – расплылось в улыбке деканистое недоразумение.

И я вытянула.

– Билет номер тринадцать, – громко, во всеуслышание, объявила коварная Гея Андреевна. Аудитория замерла. Хамло протёрло очки, потом глаза, потом опять очки, потом уткнулось носом в протянутую мною бумажку и ошеломлённо выдохнуло:

– Тринадцать!

– Понимаете, – красиво начала я, – по теории вероятностей...

Глава факультета нервно сглотнул и вытер платком проступивший на лбу пот. А я что? Я ничего. Мама с папой мне всегда говорили, что если что-то делаешь, то надо делать это хорошо и обязательно до конца, поэтому мозг я выношу качественно и до победных конвульсий.

– Так вот, – с умным видом продолжила мозговыносительня Гея Андреевна, – по теории вероятностей, есть один случай на миллион, что секретарь, совершенно случайно... Заметьте, совершенно случайно, напечатает два тринадцатых билета вместо одного. По той же теории вероятности – два тринадцатых билета в стопке из тридцати шести увеличивают мои шансы вытянуть его ровно вдвое. И тогда-а-а-а вероятность того, что я вытяну тринадцатый билет, равняется почти ста процентам. Представьте себе, что я вытягиваю билет n раз, причём каждый раз я могу либо вытянуть билет номер тринадцать, либо не вытянуть. То есть либо У (успех), либо Н (неудача). Элементарными событиями можно считать все возможные последовательности У и Н. Их общее число равно 2^n . Каждая такая последовательность содержит n символов. В случае...

– Н-не надо, я понял, – перебил мой звёздный монолог Этгем Трофимович, ослабив узел галстука и попив водички. – А если я, – встрепенулся он, – замечьте, совершенно случайно, спрячу в карман и второй тринадцатый билет?

– Тогда, – невинно улыбнулась добрая Гея Андреевна, – по той же теории вероятностей, существует такая возможность, что секретарша напечатает их в трёх экземплярах. Опять же, совершенно случайно.

– Её что, заклинило? – опешил декан. – Секретаршу.

– Не знаю, – пожал плечиками. – Может, просто циферки понравились. А может, бес попутал!

И вот мне почему-то кажется, что с этого беса все и началось, как говорится, помани черта...

Оценку мне в зачётку декан поставил «отлично», собственно говоря, они у меня все там были всегда только «отлично», потому как билет тринадцать я стабильно тянула по всем предметам. Главное, препода даже на деньги спорили, вытяну или нет. Тасовали и так, и сяк билеты, затирали номер, прятали и пересчитывали, а потом с замиранием сердца следили, как я, вопреки всем законам физики и здравого смысла, вытягиваю тринадцатый билет, словно из воздуха. Чертовщина, ей-богу. Меня так и прозвали в универе – чёртова отличница. А поскольку с теми, кто пытался невинно вставлять палки в колеса моей успеваемости, регулярно что-то случалось, то в дальнейшем они перестали даже сопротивляться. Тупо записывали в ведомость тринадцатый билет, ещё до того, как я успевала его вытянуть, потом молча выслушивали мой монолог, ставили «отлично», говорили «иди с Богом» и три раза плевали через левое плечо.

Как результат – учёбу я закончила с «красным» дипломом, а дальше начались суровые рабочие будни. Почему суровые? Как бы это попроще объяснить? Чего там моей звезде не понравилось, не знаю, но к моим работодателям она почему-то регулярно поворачивалась своими двумя первыми буквами.

Первая фирма, в которую я устроилась, развалилась через полгода. И главное, хорошо же все было, до тех пор, пока начальник не помер в своём рабочем кабинете во время интимного процесса с секретаршей. Если бы я знала, чем они там за закрытой дверью занимаются, ни за что в жизни бы не зашла без стука. А он слабонервный какой-то оказался, нет, что бы сказать: «Зайдите, Антипенко, попозже, я занят», покраснел как рак варёный, и все... как говорится, «инфаркт миокарда», в общем, полный «рубец».

Вторую фирму с красивым названием «Золотое дно» после того, как я там появилась, три раза за месяц грабили. Ну, видимо, искали это самое золотое дно, потому что и выносили регулярно все до дна, даже горшки с цветами. А самое странное – сигнализация никогда не срабатывала и на камерах видеонаблюдения – ноль. Чертовщина какая-то... В третьей фирме – салоне по продаже машин – хозяин начал бракоразводный процесс со своей женой, и пока они делили имущество, её отжал конкурент и тупо продал «на запчасти». Четвертая фирма оказалась конторой по отмыванию денег, с директором, как выяснилось, бомжом, найденном на вокзале, и в один прекрасный момент в офис вломились «маски-шоу», положили всех мордой в пол и сказали, что лавочка прикрыта... Пятая фирма... Ну, короче, вы поняли, что после того, как развалилась пятая контора, обо мне в городе поползли нехорошие слухи. И как только я появлялась на пороге какого-нибудь приличного заведения, мне мягко и ненавязчиво указывали на дверь, вежливо объясняя, что вакансия занята. Вот так я и скатилась до временных подработок, пресловутого «Орифлейма» и Люськиных канадских ёршиков.

А на носу был Новый год, который традиционно я отмечала у Люськи. Новогодний подарок у меня, соответственно, был приготовлен – канадский унитазный ёршик, обвязанный красивой ленточкой, не помню, какой по счёту, скромно ждал воссоединения со своими близнецами. Кроме Люси, в компании должно было быть ещё пять человек. И я вот подумала, что им ёршики тоже не помешают. Нет, ну а чего? Я такими темпами до пенсии их Люське дарить буду. А так, пусть люди порадуются. Вещь надёжная, и в хозяйстве пригодится.

Тридцать первого утром я задекорировала унитазные принадлежности серпантинном, так сказать, пусть тоже Новому году порадуются, и, сложив в пакетик, стала готовиться к походу в гости. И мне бы понять сразу, что день сегодня не мой, и моя злосчастная звезда на свои первые две буквы сильно ищет приключений.

Сначала раздался телефонный звонок:

– Антипенко, а пойдём в кино? – запел свою старую песню Дима. Нет, ну, мазохист, однозначно! Как можно ходить в кино, зная, что ровно на половине сеанса вырубится

проектор? Да ещё и перед Новым годом?

– Извини, Дима, у меня на сегодня другие планы, – злобно пропыхтела я и вырубилась трубку.

Знаю я твоё кино, опять целоваться полезешь, и будет потом не кино, а цирк с элементами акробатики.

Затем оказалось, что мои зимние сапоги самым подлым образом решил поздравить с наступающим бабушкин кот Мурчик. Чем они ему так приглянулись, не знаю, но запах от них теперь шёл такой, что мёртвого поднять можно, нашатырь нервно курит в сторонке. Пришлось лезть на антресоли и вытягивать осенние сапоги на шпильке. На глаза попала красивая фетровая шляпа с полями, которую я купила с первой полочки.

И на кой она мне сдалась, одному лешему ведомо, но схватив её, я, став перед зеркалом, водрузила шляпу себе на голову.

...Сапоги на шпильке, шуба в пол, шляпа с полями...

– А ничего так, гламурненько, – скромно сказала сама себе Гейя Андреевна, критически осмотрев себя с головы до пят. – Да чего там мелочиться – богиня!

И вот на этой радостной ноте, богиня, то есть я, поскакала навстречу звёздам и ветру, причём в буквальном смысле. Потому что как только вышла из подъезда, злющий ветер звезданул меня прямо в лицо, едва не сорвав у меня с головы шляпу.

– А что б тебя попрыщило, – выругалась я, схватившись за поля головного убора. Ветер обиделся, и решил попрыщить меня. Стал громко завывать и сыпать мне в лицо снегом. В результате, к остановке я пробиралась как вражеский диверсант – короткими перебежками.

Каблуки все время скользили, а шляпа норовила улететь. И нафига я её, спрашивается, надела?

Ещё не успев перейти дорогу, увидела, что к остановке подъезжает нужная мне маршрутка. Не успею, и следующую, по такой мерзкой погоде, буду ждать минут пятнадцать, и тогда точно – прощай макияж, причёска и ноги. Не-е-е-е! Я решила, что роль от замороженной богини мне не пойдёт, задрала полы шубы одной рукой, схватилась за шляпу другой и побежала...

– Бум, – сказала моя голова, смачно припечатавшись о кузов маршрутки. Мне почему-то казалось, что машина по инерции должна проехать дальше, но из-за того, что я наклонила голову, прикрываясь полями шляпы от метущего снега, не заметила, что она остановилась прямо у меня перед носом. Из окон автомобиля на меня смотрело пар десять округлившихся глаз. Округлялись они недолго, через секунду все пассажиры были похожи на выходцев из Корейской Народной Республики, по причине того, что самым неприличным образом ржали с меня, убогой. И не стеснялись они этого делать даже тогда, когда я с видом неприступного айсберга всплыла в салон маршрутки, хотя на звание «титаника» выдавший виды «рафик» не тянул даже с большой натяжкой. Водила окинул меня с ног до головы долгим сканирующим взглядом, и нет, что

бы спросить: "Девушка, вы не ушиблись?", эта гадина, ухмыляясь, заорала на весь салон: "Вы мне там бампер не помяли?" Можно подумать, я бульдозер или трактор. Все пассажиры опять старательно стали изображать узкоглазых. И тут во мне разыграло ретивое. Не, ну, обидно, да?

– У вас аптечка в салоне есть? – с очень умным видом спросила сильно злая Гейя Андреевна.

– Нету, – поднапрягся баранкокрутитель. – А вам что, плохо?

– Плохо сейчас будет вам, – злорадно ухмыльнулась я, помянув свою счастливую звезду, обещавшую наглому мужику полную, ну ту, которая начинается на две первых буквы от её названия. – У вас аварии были?

– Нет, – опешил маршрутчик.

– Будут, – добила я дядьку.

– Ты че, ясновидящая? – водитель тревожно почесал репу.

– А то, – гордо вскинулась я, и "корейцы" вдруг вспомнили, что им срочно надо в Европу, и почему-то тихой сапой стали выходить из салона. А я что, хуже? Обиделась я, короче, и назло кондуктору тоже решила пойти пешком. Злющий ветер мгновенно вспомнил, что он злющий и, припомнив мне неосторожно брошенную фразу «а что б тебя попрыщило», некрасиво так сдул мою красивую шляпу. Шляпу сразу стало жалко, а больше всего себя, потому что я на эту шляпу угрохала половину своей зарплаты – это раз, и я в ней очень загадочно смотрелась – это два. Ну, в общем, побежала я за шляпой. Быстро побежала. А шляпа, гадина, вдруг вспомнила, что она всю жизнь мечтала быть птицей, а не шляпой, и гордо махая полями, радостно порхала вниз по скользкому переулку. Я бегу. Она летит. Каблучок подвернулся на тонкой ледяной корке и я, как в замедленной съёмке, стала падать. Причём вот помню точно – сначала изящно так взмахнула левой рукой, ну, как в сказке про царевну-лягушку. И вверх полетел пакетик и обвязанные серпантинном туалетные ёршики. Потом, грациозно вскинула правую, типа, пыталась зацепиться за воздух, но в результате потеряла перчатку. Она тоже взлетела в воздух, погрозив мне пальчиком, мол, ай-яй-яй. Следом за руками задрала ноги, слава богу, ничего не слетело, и жирной, жизнеутверждающей точкой стала голова, смачно брякнувшаяся об присыпанный снежком асфальт. И можно бы было расслабиться и получить удовольствие от полученного полового контакта. Ан нет! Вырубил меня канадский ёршик, приземлившийся своей туалетной рукояткой мне прямо в лоб. Короче, картина Репина «приехали» – красиво падает снег, лежу вдоль дороги в безобразной позе, вся в туалетных ёршиках, и тишина...

ГЛАВА 2

Пробуждение моё было болезненным и наполненным мерзопакостным шёпотом, почему-то сразу нескольких голосов.

– Куда её, на сковородку или в котёл? – спросил один.

– Ты что ж, добро такое портить, глянь, какая девка ладная, мы её Асмодею по спекулятивной цене загоним.

– Точно, от него ведьма недавно ушла к Велиалу, так у него запой жуткий, из игорного дома вторую неделю не вылезает.

– Вот-вот, Асмодка на драгоценности падкий, а у энтой, глянь, какие «Фаберже».

И мерзопакостный шёпот перешёл в подленькое ржание. Неприятное такое, знаете, как будто железякой кто-то по стеклу царапает. А тут царапала не одна железяка, а все четыре.

Надоели они мне, и я, наконец, решила обнаружить своё высочайшее присутствие в мире здравствующих и бдящих. Открыв глаза, почему-то сразу захотела их обратно закрыть.

Мамочки, где это я? На меня смотрели четыре волосато-рогатые морды. И самое страшное, что волосатыми у них были не только морды. Ну, все они были волосатые. Везде. На меня смотрели такие себе обыкновенные черти, умеренно-средней волосатости, с рогами, копытами, розовым, сморщенным хрюндем, и даже хвост в наличии имелся. С кисточкой. Причём вот хвост почему-то был лысым.

– Глюк, – подумалось мне. – Я либо сплю, либо у меня глюк.

Мозги начали напряжённо шуршать. Я пила? Нет, я не пила. Значит, не глюк. А почему я лежу? Лежу... Значит, сплю. И надо же, муть какая снится. Закрыла глаза и снова открыла. На меня по-прежнему пристально смотрели наглые бесовские рожи. Не, точно глюк, решила я, закрывая глаза. А может, все-таки пила? И допилась до чёртиков?

– Нэма життя без пистолета, шо ж мне всюды одни черти мерещатся. А ну изыди, нечистая, а то ща усе роги пообламываю!

Черти замерли и сделали шаг назад, а один с опаской спросил:

– Хохлушка, что ли?

– Правильно, волосатики, бойтесь, мы, славянские женщины, такие: ежели что не так – качалкой промеж глаз, и пофиг, на каком рогу у вас тубетейка!

Козлорогие засуетились, а один из них почему-то зашептал:

– В рай её надо, скажем, что посыльники груз не по тому адресу доставили. Только быстро, пока ведьма Владыкина не увидела.

И так бодренько, резвенько они меня за руки-за ноги взяли и стали куда-то тащить.

– Ангелам спихнём, а у светлых потом её назад зубами не выцарапашь, у них же план по перевоспитанию заблудших. Им за это потом премию и отпуск внеплановый, а такая, как эта, у них вообще на вес золота, так что они нам ещё и приплатят за неё, – шептались между собой козлины, пока тащили мою слегка прифигевшую тушку.

Уж куда они меня притащить хотели, не знаю, только накрылся их план, красивой такой ножкой в красных кожаных сапожках на высокой шпильке. Выше сапожек была краля... О таких мужики шепчут «Шикарная женщина...» И смотрят ей вслед, прово

жая с тоской. Чернявая. Губки алые бантиком. Глазки карие, веером из черных ресниц опущенные. Бровки соболиные, дугой выгнуты. Щёчки румяные, и сама вся ладненькая такая: попка персик, груди как дыньки, талия тонкая, руками обхватить можно. И коску она справно так вокруг головы бубликом закрутила, аки корону. Рученьки белые на груди сложила и голосок, ну чисто ангельский.

– Куда это мы так крадёмся, сявки парнокопытные? – пропела тётенька и со всей дури тюкнула острым каблучком волосато-копытную лапу впереди идущего черта.

Меня уронили. Грубо, жёстко и совершенно не по-джентельменски. Опять стукнулась ушибленным местом и взвыла. Перепуганные черти выстроились в рядок, прикрывая меня своими хвостато-волосатыми батонами. Краля вытянула тоненький пальчик с наманикюренным ноготочком и легонечко так козлорогих им в сторону-то и подвинула.

– Ой, а чёй-то у нас тут? – восхищённо пролепетала тётенька. – Деванька! Хорошенькая! И куды это вы, упыри, её тащите? – звонко рявкнула тётка, и черти позажимали между копыт трясущиеся хвосты. – Никак, к Асмодке, падлюке распутному?! Всех баб в преисподней перепортил, уже и за новопреставленных взялся.

– Что ты, что ты, матушка Оксана! – черти поджали хвосты, сморщили хрюндели и умилительно стали отмахиваться от тётки волосатыми граблями. – Это Харуновы дёмоняки, с бодуна попутали, не туды девку доставили. К светлым её надобно, не наших она грехов тяжких.

– Какая я тебе матушка? – завывала сиреной краля. – Ты себя в зеркало видел? Пенёк волосатый. От меня такие, как ты, не рождаются.

Краля пнула ногой чертяку по голени и он, подвывая, стал прыгать на одном копытце. И тут началось светопреставление... Гром, молнии, треск, как в сказке про Ивана-дурака, только лягушонка в коробчонке почему-то не приехала. Зато вместо неё подъехал огромный «Хаммер», из которого стремительно, как пламенный мотор, выскочил дядька. И мужик статный такой, видный, харизматичный: грудь колесом, косая сажень в плечах, ну чистый богатырь... Только с крыльями... Черными... До самого пола.

Тётка как мужика увидела, сразу спинку-то подобрала, бровки вскинула, попку оттопырила и дыньками на него и попёрла. Мужик, хоть и богатырь, но, видно, не железный. Короче, погиб мужик под усиленным артобстрелом её карих глаз. Сглотнул нервно и просевшим голосом просипел:

– Душа моя, а пойдём, я тебе страшно тёмную сказку расскажу!

– Люцык, – надула губки красotka. – Не хочу сказку, хочу девочку!

– Богиня, все, что пожелаешь, – напирал дядечка, жадно сверкая черными очами. – Ща и девочек вызовем, и мальчиков, там вчера парочка милиционеров прибыла.

– Да на кой мне твои милиционеры? – разозлилась тётенька.

– Ну, как же, душа моя, других мальчиков по вызову у меня нет, – огорчился крылатый.

Тетенька огорчений добавила, долбанув богатыря ладошкой по шее.

– Ксан, за что?

– Было бы за что, прибила б, козел безрогий. Я девочку хочу.

Богатырь неожиданно воспрянул духом, расплылся в дурноватой улыбке, опять выставил грудь колесом и интимненько так замурчал:

– Так я ж только за! Наконец-то! Душа моя тёмная! Пойдём! Ща я тебе и девочку захочу, и мальчика захочу. Двойню! – жадно клацнул зубами мужик. – Точно! Давай сразу двойню захотим, а?

– Люцык, прекрати меня нервировать, какая двойня? Мне внуков пора нянчить, а ты ко мне со своими глупостями опять пристаёшь.

– Так это... – лицо у мужика стало жалобное-жалобное. – А как же девочка?

– Нет, Люцык, пожалей ребёнка, вдруг в тебя пойдёт, куда я её крылья прятать буду? Люцык обиделся, и крылья у него обиженно повисли, как две большие черные тряпки.

– Задрапировать можно, – грустно вздохнул он. – Бантики там, рюшечки, стразики или ещё какая ваша женская хрень. На кой я для тебя всех модельеров у светлого выменял?

– Я вот эту девочку хочу, – краля ткнула в меня холеным маникюром, и чернокрылый заинтересовано вздёрнув бровь, внимательно так устремил на меня взгляд своих черных глаз.

– А твои упыри её Пресветлому отдать хотят, – капризно сморщилась краля, явно собираясь плакать на публику. – Говорят, демоняки по пьяни не туда принесли.

Нет, ну, нормально? Только мне так может повезти, чтобы по пьяни вместо рая в ад попасть.

– Ща разберёмся, – богатырь с крыльями вытянул из кармана последнюю модель Vertu из платины и золота, инкрустированную черепом из брюликов, и, потыкав пальцем в дисплей, стал ждать, когда на другом конце трубки ему ответят.

Где-то в стене, у меня над ухом, голосом горлума из "Властелина колец" завыл рингтон: "Хозяин, не бери трубку, они хотят вызвать нас на работу!"

– Сеня, – рявкнул крылатый. – Подь сюды!

Из чёрной стены сначала появилась рука, потом нога, а потом мужик с айпэдом, в трениках с отвисшими коленками, чёрной толстовке с капюшоном и надписью на спине "Смерть, как и интернет, забирает лучших!"

Стенка плюнула ему в спину штукатуркой и выругалась:

– Нечисть, куды по помытому грязными ботинками? Шоб тебя херувимы в лоб поцеловали! Шоб тебя оживили, а потом ещё раз оживили. Шоб у тебя косилка сдохла!

Мужик опасливо прижал к груди планшет, потом нажал на кнопку и, убедившись, что экран загорелся, облегчённо вздохнул. Повернувшись к стенке фэйсом, он плюнул ей в ответ:

– Тьфу, дура, шоб тебя зеленой тиккурилой покрасили и смыть забыли.

– Хамло костлявое, – обиделась стенка и скрутила плинтуса в комбинацию из трёх

пальцев.

– Адка, – возмутился харизматичный мужик с крылами. – Ты носишь гордое и высокое звание "Врата в чистилище", а ругаешься и ведёшь себя, как дешёвая заборная калитка.

– Вот именно, – побелела от возмущения стенка. – Чистилище – от слова «чисто»! А этот хрякер недоделанный вечно об мой коврик Welcome to hell свою грязь с кладбища или помойки вытирает.

– Хакер я, хакер, – злобно вякнул стенке в ответ чел с айпэдом. – Глушь нерадиофицированная. Тормоз преисподней. Пылесос купи.

– Семён, отберу планшет, верну балахон и косу, – пригрозил крылатый.

Стенка расплылась в самодовольной улыбке и показала Сене язык.

– Чего изволите? – недовольно буркнул усмиренный горе-хакер и, засунув руку за спину, показал стенке средний палец.

– Ты эту прибрал? – кивнул в мою сторону чернокрылый.

Моему возмущению не было предела. Что значит прибрал? Я что, мусор какой? О чем незамедлительно попыталась донести до высокого собрания присутствующих. На что крылатый махнул рукой, сказав, что мусора – они тоже люди, и прибирать их, как и всех, приходится.

– Посмотри, по нашей части или дед Опанас вчера опять на демоняхах новый рецепт самогона испытывал?

– Ты кто? – зыркнул на меня Семён и стал рыться в планшете.

– Гея, – пискнула я.

– А-а-а-а, – радостно вскинулся он, улыбнувшись крылатому на все тридцать два зуба, ярко сверкнув золотой фиксой спереди. – Так эти по нашей части, можете не сумеваться, Владыка. Они на первом же собеседовании у светлых тест контроль не проходят, – заржал Сеня. – Вот, как у ангелов спросят: «Ух ты, а у вас тут в платьях ходить можно?» Так и не проходят.

– Извиняюсь, – робко вклинилась я. – Я не гей, я Гея – ну, эта... знаете... мать титанов там...

– Чья мать? – хором переспросили черти.

– Титанов. Мужики такие большие, ну, там, боги первого поколения... с Зевсом божились... их в тартар за это. Не, не знаете? – жалобно пискнула я.

– Богиня! – восторженно всплеснула ручками краля с коской, аж бублик у ней на голове подпрыгнул.

– Не, не богиня, кошу под неё, – извинительно расстроила я тётеньку. – Антипенко Гея Андреевна.

– Тьфу, адова сковородка, какой же идиот тебя так назвал? – почесал маковку богатырь с крылами.

– Видно, такой же, что и твоего сына, – вызверилась на крылатого краля. И как-то разом у него и грудь, и голова, и крылья сникли.

– Так я ж тебе говорил, пьяный, Ксан, был, ну смог я выговорить твоё – Аристарх. А этот Пресветлый привязался: Антихрист, Антихрист. А тётка в загсе как морду его ванильную увидела, так и запела: не извольте беспокоиться, как скажете, так и запишем.

Тётка возмущённо встряхнула дыньками и коской:

– А не надо было напиваться до чёртиков, когда сына регистрировать ходил!

– Почему сразу до чёртиков? – богатырь обижено засопел и снова почесал репу.

Черти протестующе стали мычать, дёргать всеми конечностями и сопеть хрюнделями. Видать, подтверждая, что до них хозяин ещё не допивался.

– Нас, между прочим, ангелы выносили, в смысле, провожали.

– Позорище, – закивала чернокрылому головой краля. Так что там с богиней? – деловито одёрнула она Сеню.

Семён чего-то долго тыкал в своём планшете, а потом удручённо протянул его тётке.
– Вот!

– Чего «вот»? – фыркнула тетенька, нервно постукивая каблучком.

– Все-таки Опанас, – Сеня извинительно шаркнул кроссовкой с развязанным шнурком и замер перед кралей в позе «гипноза», вызвав у внимательно наблюдавшей за ним стенки нездоровую реакцию. Плинтуса скрутились в странную конструкцию, похожую на клацающие челюсти, и тихо чавкая, стали наезжать на шнурок. Семён поднял ногу, челюсти подпрыгнули в воздух, как бультерьер за палкой, но шнурок так и не достали. На подлый Сенин смех стенка отреагировала традиционно – плюнула ему в спину штукатуркой и показала язык.

А тётка, в это время дочитав в планшете подсунутую Семёном информацию, явно расстроилась, дыньки огорчительно повисли, и даже бублик на голове жалко съехал набок.

– Люцык, – истерично хлюпнула носом она, – сделай что-нибудь, – краля поставила руки в боки и самым наглым образом стала шантажировать богатыря. – Или я сейчас буду плакать!

Черти тут же стали нервно бегать взад-вперёд под стенкой, пытаясь найти у неё угол, но она, расплывшись в ехидной улыбке, быстро выпрямилась, показала им из плинтусов ту же комбинацию, которой ее неосторожно научил Семён, и вывесила огромную табличку «Обеденный перерыв».

– Дай сюда, – рывкнул чернокрылый, отбирая у тетеньки планшет. У Семёна аж руки затряслись, он картинно схватился за сердце, а потом упал на меня, изображая умирающего лебедя. Стенка подленько захихикала, тряся штукатуркой, табличкой и плинтусами.

– Антипенко Гея Андреевна, скончалась тридцать первого декабря. Место доставки – рай, – громко озвучил мужик с крыльями и, нахмурившись, стал чесать маковку. Сеня мгновенно перестал изображать параличного, выхватил айпед у него из рук, засунул себе за пазуху и спрятался за меня.

– Значится, в рай... – мужик, тот, который Люцык, очень подозрительно прищурил

ся, разглядывая мой не очень презентабельный внешний вид.

Я прижалась к Сене и жалобно хлопнула носом.

– Ты чего? – погладил меня по голове Семён. Ласково так погладил.

– С-смерти боюсь, – прошептала я.

– А чего меня бояться, – плотоядно улыбнулся Сеня. – От смерти ещё никто не умирал.

– А а-а-а-а, вы... – заклинило меня.

– Смерть Семён Семёнович, – протянул мне руку дядька. И кому-то, то есть мне, сразу стало по-японски плохо. В смысле, херовато.

– А-а-а вы ж не женщина... а коса где? А плащ с капюшоном? Вы ж... она ж... должны быть, – и страшно мне так сразу стало.

– Не, ну, и ты туда же. Ну, не баба я. Не баба, – обиделся Сеня. – Ладно Адка – деревня деревней. Ей простительно. Её еще в каменном веке неандертальцы построили, а штукатурка у ней модная только лет десять назад появилась, и то, ежели бы Женька Версаче Оксане Ивановне не намекнул, что интерьерчик у нас не комильфо, так и стояла бы коровьими какашками обмазанная. Стереотипы надо менять, – поднял он вверх указательный палец. – На дворе двадцать первый век, а вы все думаете, что смерть к людям приходит в балахоне и с косой, а к мухам – в трусах, в майке и с газетой.

– А что, она к мухам по-другому приходит? – наметился у меня вопрос двадцать первого века.

– Село! На, смотри, – Сеня вытащил из кармана баллончик с «раптором» и ткнул мне его в лицо. – Быстро, эффективно, и мухам в кайф.

– А чего это им в кайф?

– Так они ж нанюхаются и от передоза помирают, потому и в кайф. Вон, глянь, – Сеня указал взглядом на двух зелёных мух, висящих на чёрной стенке в обнимку с дихлофосом. Мухи по очереди нажимали лапками на кнопку дозатора, и когда из распылителя вылетала тоненькая струйка, они жадно вдыхали пары, потом уморительно дёргали лапками и крыльями, а опосля пискляво жужжали мотивчик Битлов «Жёлтая субмарина».

– А вы, люди, кровожадные, – глубокомысленно изрек Семён. – Вам все надо, чтобы мозги по стенке и кишки по газетке. Смерть, она обоюдоудобственной должна быть: мы рады вам, вы благодарны нам!

– Так косы у вас нет? – радостно вздохнула я.

– Почему нет, – сильно огорчил меня Сеня. – Есть! Гляди, – Семён достал из-за пазухи айпед и провел пальцем по экрану. В мониторе ярко вспыхнула картинка и заиграла ритмичная мелодия. На экране, по длинным коридорам и лестницам, перепрыгивая через пролеты и преграды, бегала смерть с косой. Косой она махала налево и направо, хайдокая попадавших на пути граждан. С трупиков она собирала жизни, трясла в воздухе косой, зловеще хохотала, а затем продолжала свой путь по лабиринтам жизни в поисках новой жертвы.

– А чего это у вас?

– Так косилка, – ласково погладил платшетник Сеня, и на морде у него появилось выражение полного и абсолютного счастья. – Последняя версия. Слышь? А ты не знаешь, как десятый уровень пройти? – морда у Семёна вдруг стала такая жалобно-просительная, аж к груди прижать захотелось. Ну, пожалеть типа...

– Не-а, не знаю.

– Ты понимаешь, никак десятый уровень пройти не могу. Все жизни на студента, гада, уходят.

– Какого студента?

– Да паразит один, ну, тот, что мне эту косилку впарил. И главное, развёл меня как херувима черти. Я ж, когда за ним пришёл, ни разу не продвинутый был. Собирайся, мол, говорю, я за тобой. А он мне: «А чего это у вас прикид такой отстойный? И зачем вам клюшка?» Нет, ты представляешь? Это он мою платиновую косу клюшкой обозвал?! А мне её Владыка на хрен знает какое летие подарил. Именная была, – Семён горько вздохнул и ткнул пальцем в планшет. – О, гляди, чего делается!

На экране Сениной косилки появилось изображение комнаты в общежитии и сидящего за столом перед компом студента. За его спиной, словно из воздуха, возникла смерть с косой, и парень, услужливо отодвинув стул, предложил ей поиграть в танчики. Пока смерть, оттопырив челюсть и вывалив язык, с безуминкой во взоре лупила из всех орудий по вражеским позициям, студент, собрав рюкзак, натянув бейсболку и кроссовки, сделал ноги. Смерть, спохватившись, что клиент ушёл, трясая косой и посылая голову пеплом, ломанулась следом. И вот тут начиналось самое интересное: пацан, с профессионализмом паркурщика, перелетал через возникающие на пути преграды, периодически оглядываясь на метущуюся за ним следом смерть. Поднявшись на крышу, он с разбегу перепрыгнул на соседний дом, оставив захекавшуюся смерть яростно метаться вдоль ограждающего бортика и угрожающе трясти косой. И вот, пока незадачливая собирательница жизней громко материлась и обещала пацану догнать и устроить секир башку, он, развернувшись, показал костлявой средний палец и, вставив в уши наушники, вразвалочку пошагал дальше. Смерть схватилась за то место, где положено быть сердцу, и картинно рухнула на пол, под соответствующую случаю музыку похоронного марша и выскочившую на экран картинку 'game over'.

– Паразит, – в сердцах произнес Сеня. – Как есть паразит!

Крылатый дяденька, в этот момент подобравшись к тетке с бубликом на голове, глупо мурлыкал ей чего-то на ухо и неприлично-вызывающе ездил по ней своими клешнями.

– Люся, хочу деваньку, – краля топнула ножкой и надула губки.

– О, денница моего темного восхода, я же просил, не называть меня Люсей. И на кой она тебе сдалась, пламень моего адского сердца?

– Люцык, так мне поговорить не с кем. И потом... У тебя сын растёт, Люцык! А ты подумал о внуках?

– Ксана, любимая, так вон ведъм сколько, чем тебе не... – крылатый богатырь заткнулся на полуслове.

Семён Семёныч, тот, который Смерть, мгновенно вставил в уши наушники, включил трэк Арии 'Я свободен' на всю громкость и, переключив косу в демо-режим, стал играть в свою косилку. Черти зачем-то некультурно повернулись к честному народу волосатыми булками, зажали хвост между ног и стали ковырять ногтём стенку, и ковыряли они там явно что-то неприличное, потому что стенка обиделась... Сначала по ней поползли длинные трещины, потом появился хищный оскал, а затем, громко клацнув огромными зубами, стенка укусила всех чертей сразу. И чего-то там она у них, видно, откусила... Черти, тихо подвывая, крутились, как юла, вокруг своей оси, а стенка, смачно облизавшись, оглушила присутствующих очень громкой благородной отрыжкой.

Тётка, между тем, покраснела, как помидор, уперлась дыньками в богатырскую грудь и завывала полицейской сиреной:

– Ах ты, козлина безрогая, значит, как маме твоей, так я – святая женщина, а как мне – так в невестки ведьму? И что это? Внуки у меня ведьминское отродье будут? Уйду... – тётка яростно напирала на мужика, беспощадно тараня его аппетитными дыньками. – Завтра же уйду. Меня вон Пресветлый давно к себе зовёт. Говорит, что ты не ценишь моих выдающихся талантов.

Мужик с крыльями жадно посмотрел на выдающиеся таланты, подпиравшие его недюжинную грудь, накрыл их своими здоровенными лапищами, явно демонстрируя всем как сильно он их ценит, и злобно зашипел:

– Вот с-с-су....

Черти закрыли глаза, зажали уши и присели под стенкой. Стенка вывалила шухлядку, а затем проглотила мух с дихлофосом. Сеня вытащил из ушей наушники, а мужик, так и не закрыв рот, часто-часто захлопал глазами, с тоской во взгляде снял грабли с выдающихся талантов и осторожненько сделал шаг назад.

– Ты же обещал не богохульствовать!!! – взвизгнула тётенька. – Ну, придёшь ты, свинья, за желудями, – мстительно сощурилась она.

Не знаю, что она имела в виду под желудями, но жёлуди дядька явно сильно любил. И отсутствие оных явно грозило ему инфарктом, ибо стал он красным, аки варёный рак, и забыл как дышать.

– Су... су... суслик мой ненаглядный, – наконец вспомнил как дышать дядька. – Гад ползучий, этот твой Пресветлый. Только вчера говорил мне, что я подкаблучник, что ты у меня от рук отбилась, что с тобой надо поостроже.

– Ах, так? – и теперь уже совершенно злющая тётка вздернула нос, а брови собрала индейским жилищем. Поставив руки в боки, всем видом изображая разгневанную богиню, краля голосом подколотной змеи сладко пропела: – Люся, ты просто обязан отомстить за мою поруганную честь и достоинство.

– Готов, – дядька сделал шаг вперед, и крылья у него сзади зареяли, как пионерский галстук. – Всегда готов. Пойдем, душа моя, сильно ему отомстим, – дядька, облизав

пересохшие губы, ярко сверкая глазами, сделал ещё один шаг, упираясь богатырской грудью в выдающиеся таланты, а лапами накрыл... тоже выдающиеся таланты, но только те, которые сильно выдаются сзади.

– Деваньку у светлого забери, – остановила крестовый поход крылатого краля, упёршись пальчиком в тяжело вздымающуюся грудь сильно перевозбуждённого дядьки, выписывая на ней остро заточенным маникюром захухренистые кренделя.

Дядька завыл. Вот совершенно, как волки в лесу на луну воют. И у меня мурашки по коже побежали, как тараканы по стенкам студенческого общежития. Черти боязливо обняли стенку. Стенка закрыла шухлядку и побелела. Сеня быстро всунул в уши наушники, втянул шею и накрыл голову капюшоном.

– Ксана, и ты вот эту в невестки хочешь? – тяжело вздохнул дядька. – Душа моя, пожалей мальчика, ты на ауру её посмотри, ходячая катастрофа.

Я обиделась. Чем это ему моя аура не понравилась? Он бы на свою посмотрел.

– А экстрасексы твои, дармоеды, что, зря мне тут харчи переводят? – не растерялась тётка. – Пусть почистят.

– Ксан, так мне ж опять звонить Пресветлому придётся и кланяться, – недовольно засопел чернокрылый.

– Ой, – ехидно прищурилась краля, тряхнула бубликом и сложила на выдающихся талантах белы рученьки, – прям уж, и кланяться? А чего это мы вчера с ним до полночи в райских куцах сидели?

Мужик подозрительно покосился на чертей. Те стали мотылять волосатыми граблями и громко сопеть хрюнделями, всем видом давая понять, что сдали дядьку не они.

– Так это... Бизнес-план составляли, – соврал не моргнув ни одним глазом крылатый, и даже пёрья у него на крыльях не шелохнулись.

Тётеньке, видать, экстрасексы по секрету всему свету, уже донесли, чем там дядька в кустах непонятно с кем занимался, потому что морда у ней стала похожа на агитационный плакат времён Великой Отечественной «А ты записался в добровольцы?» Тётка приняла позу «Родина-мать», наставила на дядьку указательный палец, как пистолет, и зашипела:

– Значит, пульку расписать – это теперь бизнес-план называется? И во сколько же мне твой бизнес-план обошёлся? – топнула ногой краля. – Кого ты на этот раз проиграл, паразит?

– Почему сразу проиграл? – выпятил богатырскую грудь крылатый. – Я, вообще-то, выиграл.

Хитрая тётка, очевидно, только этого и ждала. Красиво качнула бёдрами, вызвав у крылатого повышенное слюноотделение и нездоровый блеск в глазах.

– Вот и отлично, Люся! Деваньку забери, – с наглостью бульдозера опять наехала она на богатыря.

– Душа моя, у меня ходовая барахлит, а у Пресветлого автослесарь сегодня преставился, так я, это... долг предъявить хотел, – стал возмущаться дядька.

– На моем Пежо поездишь, – отмахнулась от крылатого тетенька, разглядывая меня алчно-жадным взглядом.

– Ксан, сжался, у меня в твою косметичку крылья не влезают.

– Уйду, – снова стала шантажировать крылатого тетенька.

– Хорошо-хорошо, – грустно вздохнул дядька, расправив охрентельно здоровенные крылья. – Вспомню молодость, полетаю пока. Хотя по мне, – богатырь повернул ко мне кислую физиономию и смерил недовольным взглядом, – не стоит она автослесаря. И что ты в ней нашла? Тютеха растютетехой!

– Она петь умеет, Люцык, – приободрилась краля. – Правда же, умеешь, милая? – тётка пнула меня ножкой в сапоге от Версаче и прошипела:

– Пой.

Я, зачарованно глядя на красивого дядьку, затагнула дурным голосом:

– Ой, чий то кінь стоїть, що сива гривонька. Сподобалась мені, сподобалась мені, тая дівчинонька.

Дядька с тёткой заинтересованно переглянулись и одновременно спросили:

– Хохлушка, что ли?

– У вас что, пунктик насчёт хохлушек?

А лица у этих двоих, между тем, приобрели выражение такое себе, любвеудавительное. Ну, это когда удав на кролика смотрит и всем своим видом говорит, что сильно-сильно его любит. Всего. И шерстку. И ушки. И пимпочку.

– Борщ варить умеешь? – напрягся дядька.

И дёрнул же меня черт ляпнуть. Не знаю, какой именно, потому что на данный момент вокруг меня их было много, и все они, прикинувшись шлангом, тихо теребили хвосты и целовали стенку в углу, видно, просили отдать то, что она перед этим откусила. Только правое ухо у них торчало, как спутниковая антенна, явно свидетельствуя, что черти безобразнейшим образом подслушивают.

– Вам какой: с галушками, постный или обыкновенный?

Дядька хищно так сглотнул, и теперь, лицо у него было... бесовское такое лицо, я вам скажу. Змей, когда Еве яблоко подсовывал, поди, тоже так смотрел.

– Любви хочешь? – напёр на меня всей своей крылатой фактурой дядька.

И сильно-сильно перепуганная я, заикаясь, спросила:

– Б-большой и ч-чистой?

– Чистой не обещаю, но много и везде будет, – хрюкнул дядька, и они с тёткой стали неприлично ржать. Потом стали ржать черти, следом за ними пристроился Сеня со своей косилкой, причём в косилке у него тоже что-то громко кряхтело и хрюкало. И даже стенка, плюясь штукатуркой, тоже ржала. Громко так. Не, ну, обидно, да...

– Вы намекаете, что я ночью на сеновал должна прийти? – осторожно предположила я.

Тётка и дядька перестали ржать, переглянулись с пониманием дела, и одновременно выдохнули:

– Сойдёт!

И тут мне от ихнего «сойдёт» чего-то как-то нехорошо стало. «Марфа Васильевна» боязливо сжалась, явно предчувствуя беду на её северное и южное полушарие. Громко хлопнув носом, я жалостливо протянула:

– Я домой хочу, отпустите меня, пожалуйста. Я больше не буду, – чего я больше не буду, я толком и не знала, но пообещать в этот момент готова была все, что угодно.

– А вот этого не надо, – погрозил мне крылатый богатырь пальцем. – Будешь. Ещё как будешь.

Тон мне его не понравился. Морда тоже. Уж больно наглая она в этот момент была.

– Отпустите, а? А я вам за это ничего не поломаю, – попыталась найти компромисс.

Тётка с дядькой опять переглянулись, расплылись в довольных улыбках и опять дружно заявили:

– Однозначно сойдёт!

Крылатый вытянул свой мобильник и стал набирать номер. Тётя, молитвенно сцепив белы ручки в замок, уставилась на него взглядом, полным обожания. Бублик, дыньки и выдающиеся таланты сзади тоже приняли соответствующую позу, демонстрируя богатырю всю степень готовности к труду и обороне. Богатырь предвкушающее облизался, послал крале воздушный поцелуй, а затем, скорчив суровую рожу, поднёс трубку к уху.

Сеня дружественно похлопал меня по плечу и громко цвиркнул, сверкнув фиксой:

– Не ссы, малая, ща босс все разрулит.

– Здорово праведникам! – начал за здравие тот, который Люцык, и нажал кнопку громкой связи.

– И вам, грешникам, гореть в аду, – приятным голосом закончил за упокой кто-то на другом конце провода.

– Ы-ы, Оксану Ивановну ему никак простить не может, – расплывшись в коварной улыбке, подмигнул мне Сеня и радостно толкнул в плечо.

– Что, тоже в преферанс выиграл? – боязливо покосившись на крало с бубликом, поинтересовалась я.

– Хуже, – морда у Семёна стала серьёзной, как у женщины с веслом, короче, распирало Сеню от гордости и восторга. – Все по-честному было. Она сама босса выбрала.

– Это как?

– Ты понимаешь, – обнял меня за плечо Семён и стал тихо шептать на ухо: – Хохлушек, их же всех сразу в рай.

– Чего это? – нет, я, конечно, не против. Я вообще практически святая. Местами.

– Шо значит – «чего»? – удивился моей тупости Сеня. – Ангелы, они хоть и небожители, а пожрать любят, как и все. А ведьмы что? От ихних зелий один понос да изжога. А потом, светлые они ж чистюли, вон вроде нашей Адки, – Семён повернулся в сторону гладкой, как зеркало, черной стенки и брезгливо сплюнул. Стенка скрутила ему в ответ из плитусов дулю. – Имидж у них такой – белый и пушистый. И кто, спрашива-

ется, все это белое безобразие стирать и гладить будет?

И тут мне, значит, обидно за соотечественниц стало:

– Интересная фигня получается, ведьмы тут в аду байдыки бьют, а хохлушки в раю пашут, как негры?

– Так там все – рабы Божьи, – развёл руками Семён и нагло улыбнулся.

И тут мне чего-то в рай перехотелось. Чисто из вредности.

– А ничего у вас тут, – пооглядевшись по сторонам, заявила я.

– Это все Оксана Ивановна – святая женщина, – поднял вверх указательный палец Сеня, потом, опомнившись, побил себя рукой по губам и поправился: – В смысле, адская баба. Евроремонт в преисподней сделала. Адку поштукатурила, сковородки и котлы грешников почистить заставила, Владыку к ногтю прижала... Пардон, стиль ему поменяла. Даже чертям хвосты побрила. Красота...

– А хвосты зачем?

– Так для гламуру! Они ж его суют везде. Опять же – волосней трясут. А у Оксаны Ивановны на шерсть аллергия. А борщ она какой варит... М-м-м, – Семён мечтательно прикрыл глаза. – С галушками. А холодец? На запах все серафимы и архангелы слетаются.

Черти возле стенки, с выставленным ухом параболической антенной, тут же начали неприлично чавкать, трясти лысым хвостом и смешно шевелить хрюнделем. Даже Адка облизалась и пустила голодную волну по штукатурке.

– Так они ж, вроде, вегетарианцы? – шёпотом спросила я Семёна. – Ну, эти... пресветлые.

– Во-о-от, – потянул Сеня. – Потому и слетаются. Кормят их там в раю силосом одним, а мужику мясо надо! А Оксана Ивановна – добрая женщина, – опомнившись, Семён опять похлопал себя рукой по губам и поправился: – Вредная баба. Поэтому ангелов и подкармливает. А то они с голодухи вечно на нашу вышку мобильную падают, а у Владыки потом связь барахлит. О, гляди, чё сейчас будет, – Семён предвкушающее вытянул шею и уставился на Люцыка почти таким же влюблённым взглядом, как и стоящая рядом краля.

– Ты чего звонишь? – недовольно протянуло из трубки. – Что, долг предъявить? Автослесаря не отдам. Имей ввиду. У самого кардан стучит.

– Да нет. У меня тут твои херувимы груз потеряли. Гей... я тут эп... понимаешь один... на затесал... ся, – почему-то стал глотать буквы дядька.

– Что ты говоришь? – переспросил кто-то в трубке.

– Плохо слышно? – коварно усмехнулся крылатый и подмигнул тётке с бубликом. – Связь такая. Поди, опять твои эп... соколы мне антенну сбили. Так я тут что подумал. Он... на все равно эп... дресс-код у вас не пройдёт. Чего чертей туда-сюда гонять, пусть у меня остаётся...

– Чур, в счёт долга, – встрепенулся приятный голос.

– Ась? В зачёт долга? – расплылся в улыбке чернокрылый. – Ну, ладно, эп... пусть

будет в зачёт долга. Прощаю, – дядька щёлкнул пальцами, и серебристый росчерк молнии яркой вспышкой разрисовал окружающее пространство, а затем шандарахнул раскат грома.

– У, ты ж, мой лукавый, – любовно потянула краля с коской и чмокнула крылатого в богатырский бицепс.

Богатырь выпятил грудь, гордо взмахнул крылами, и чертей из-под стенки сдуло ветром, а нас с Сеней, наоборот, смачно припечтало к её холеной чёрной поверхности.

Изогнувшись дугой, стенка зачем-то некультурно пнула плинтусами меня под зад.

– Пшла отседа, убогая, – гаденько прошипела она. – Трутся тут всякие, а я потом дезинсекцию проводи.

Плинтуса скрутились в пятерню и стали стряхивать со стенки невидимую пыль.

Не, ну, обидно, да? Я что, тюзик какой блохастый?

– Слышь, ты, оградка кладбищенская, – напыжилась я. – Ещё раз убогой обзовёшь, я на тебя гастарбайтеров натравлю. Неандертальские какашки финской шпаклёвкой покажутся. Для тебя – Антипенко Гея Андреевна. И на вы и шёпотом.

Стенка побелела от моей наглости.

– Гы-ы-ы-ы, – злобно захихикал Сеня и показал Адке средний палец.

– Фулюганка, – открыла шухлядку Адка. – Я Владыке пожалуюсь.

– Сдача, – вякнул ей в ответ Семён.

– А тебе, хамло костлявое, вообще слова не давали, – плюнула в него штукатуркой стенка.

– Выпей яду и убей себя об стену, – заржал Сеня и, обняв меня за плечи, потащил подальше от мигающей, как семафор то белым, то черным, стены.

А богатырь, между тем, воодушевленный кралиным поцелуем, пошёл в контрнаступление.

– Душа моя, – жарко начал он, заворачивая её в свои охренительные черные крылья.

Тётка кокетливо заелозила по его груди тонкими пальчиками.

– Скажешь тоже, душа... нет у тебя её, сатанюка лукавая.

– Сердце моё, – продолжил чернокрылый

– У тебя его тоже отродясь не было, – приопустив глазки и выгнув соболиные бровки дугой, зарделась тётенька, и уже крайне неприлично стала поощрять дядьку, прижавшись к нему выдающимися спереди талантами. У мужика с крыльями из ушей пошёл пар, накрыв граблями все выдающиеся таланты, до которых мог дотянуться, он прохрипел:

– О, моё адово пламя! Геенна моя огненная!

Тётка красиво тряхнула головой, задрала нос, демонстрируя всем – мол, да, я такая, и страстно прошептала:

– Ты мой демон-искуситель.

У богатыря снесло крышу. Схватив кралю в охапку, он взмыл с ней в тёмное небо и исчез в неизвестном направлении.

– Тьфу, – в сердцах сплюнул Семён. – Опять двадцать пять. Ну, все, это надолго. Как дети малые, ей-бо... – опять побив себя по губам, заткнулся на полуслове Семён.

– Куда это он её? – опасливо поинтересовалась я не то, чтобы из праздного любопытства, а чисто для проформы. Не, ну, интересно же куды в аду крылатые мужики баб таскают.

– Куда, куда, – фыркнул Сеня. – Знамо, куда. В гнездо разврата!

– Куда?! – у меня глаза полезли на лоб.

– Ну, домой, в смысле, – доходчиво объяснил Семён тупой мне.

– А дом у нас где? – нет, я, конечно, дико извиняюсь за любопытство, но опять же, чисто для проформы.

– У нас? – Сеня цвиркнул, сверкнув фиксой. – А ты ничего, малая. Не теряешься. Наш человек. А молодца Оксана Ивановна, адская баба, глаз намётанный. Сразу просекла. А дом у нас за седьмым транспортным.

– За МКАДом, что ли?

– За СКАДом, – поправил меня Семён. – Седьмым кругом ада. Престижный райончик, я тебе скажу.

– Рублевка, что ли? – хмыкнула я.

– Э-э-э, рублёвка... село! – опустил меня ниже Адкиного плитуса Сеня. – Мелко плаваешь, малая. На кой нам ваш презренный металл? У нас в ходу другая валюта, – порывшись в карманах, он, наконец, выудил бумажку с кучей водных знаков, на которой черным по красному было написано «одна душа», а внизу по-английски – one soul. – Видала! Конвертируемая! Интернациональная!

Достав из кармана зажигалку, Семён зачем-то стал поджигать деньгу и тут произошло что-то странное – из неё вылезла морда Мао Цзедуна, изображённая на купюре, громко выматюкалась на китайском, а затем, показав Сене кулак, задула огонь и залезла обратно.

– Во! – любовно разгладив денежку, гордо изрек Семён. – В огне не горит, в воде не тонет.

Ну что, малая, поехали?

– Куда? – поглядевшись по сторонам и не обнаружив вокруг никакого транспортного средства, опасливо сделала шаг назад. Нет, Сеня, конечно, чувак прикольный, но ехать на нем в ад, как кузнец Вакула на черте в Петербург, как-то моветон и не комильфо. И потом – пиетет, уважуха и все такое. Смерть же все-таки!

– А поедемте в номера, – пахабно ухмыльнулся Семён и, вставив в рот два пальца, свистнул так, что у меня в ушах заложило. Из-за угла послышался жуткий вой двигателя, визг рессор, а затем вылетел красный болид Ferrari весь в чёрной аэрографии изображающей оскаленные лошадиные черепа. Машинка резко тормознув возле Семёна Семёныча, ласково потерлась о его ногу, радостно виляя приподнятым задом.

– Чегой-то? – ненароком так отошла в сторону, а то мало ли, что у этой продвинутой

скелетины на уме.

– Тыгыдынский адский конь, – гомерически заржал Сеня, и Ferrari, неприлично стреляя выхлопными газами, громко заржала ему в унисон. – Девятьсот лошадиных сил, – гордо похвастался Семён, заботливо погладив конские черепушки на капоте. Черепушки благодарно облобызали его руку и умиротворённо притихли, не сводя с Семы влюблённого взгляда зияющих провалам глазниц. – Ну шо? Поедем, красотка, кататься? – услужливо открыл передо мной дверку Сеня. – Ща я те скурсию по преисподней организую.

Болидик похотливо вытянул свою лошадиную морду и заценивающе заелозил по мне включёнными фарами, а опосля нагло подмигнул.

Конечно, ездить на тыгыдынских конях, не с моим-то везением, а на адских – так тем более. А с другой стороны, я ж вроде как того – умерла, так умерла! Так что бояться мне уже нечего. А Сеня он вообще – смерть. А конь? Ну что конь! Сам напросился. И нечего тут мне фары строить.

– А поехали! – махнула я рукой и вальяжно плюхнулась на красное кожаное сиденье.

Семён Семёныч ослепительно сверкнув золотой фиксой, приземлился рядом и, повернув бейсболку козырьком назад, с нездоровым азартом вцепился в руль.

– Мотя, но! – приказал он машинке. Феррари, яростно пробуксовав задними колесами, выстрелила в наблюдавших за нами Адку и чертей черными выхлопными газами, и рванула с места аки ракета в космос. Меня мгновенно вплющило в сиденье. Вернее сиденье как-то подозрительно стало плющить меня. Всю. И главное нагло так. Не ну нормально, да?

– А у твоего тыгыдынского «ферраря» колесики никогда не отваливались? – пока ещё очень любезно поинтересовалась не очень злая я.

Семён резко дал по тормозам и с ужасом на меня уставился. – Ты это... Ты мне не это..., – погрозив пальцем, очень доходчиво объяснил мне он. – Ты знаешь, как тяжело на этот свет колеса от Феррари сквозь Адку протаскивать? Она ж все время Владыке стучит, что я с помойки всякий мусор в преисподнюю таскаю.

– А ты их что, правда на помойке находишь? – хотя черт его знает, чего на наших мусорках только не водится.

– Вы с Адкой часом не родственницы? – снова намекая на мою непроходимую тупость, поинтересовался Семён. – Какая помойка? У нас с Мишкой Шумахером коммерческое соглашение. Взаимовыгодное!

– Мы рады вам, вы благодарны нам?

– Ну, типа того. Он мне колеса и запчасти, а ему мир и благоденствие. Ты думаешь почему он болиды один за другим разбивает и до сих пор живой?

– А-а-а.

– Бэ-э.

– Ну, так ты скажи своему Моте, если он не перестанет меня лапать своим сиденьем, то я ему колеса-то повыдёргиваю, и выхлопную трубу засуну..., – стала оглядываться

по сторонам в поисках подходящего места. – Засуну, в общем... Куда-нибудь. Ни один Шумахер не найдёт.

Сиденье подозрительно быстро обрело твёрдость, потом машинка боязливо хлопнула багажником и, не жужжа, опустила возле меня боковое стекло.

– Ну, так-то оно лучше, – выглянув в окно, улыбнулась я. – А тут кто живёт? – с удивлением не обнаружила никого движения в районе – все было серенько, мрачненько и только повсюду торчащие фонарные столбы изредка мигали лампочками, создавая некое оживление.

– Вбивцы, развратники, маньяки, – лениво сообщил Сеня, и мне сразу перехотелось ехать на его «скурсию», как говорится, чем дальше в ад, тем веселее трупы.

– И собачка тоже маньяк? – с ужасом проводила взглядом пёсика, сначала активно пытавшегося полюбить столб, а опосля, бросившего эту гнусную затею, поднявшего ногу и обильно полившего его отходами своей жизнедеятельности.

– Ты чего? – покрутил мне у виска Семён. – Маньяки это столбы, а собачка – вечная кара.

– Жуть, – передёрнуло меня, когда собачка со знанием дела пошла насиловать очередную столб.

Машинка медленно тронулась с места, и мой взгляд упал на красивые чёрненькие указатели, висевшие вдоль дороги. На одном из них жирными белыми буквами было написано «Рай – девятьсот девяносто девять километров».

– А почему девятьсот девяносто девять? – не поняла я.

– Так адская цифра, ты чего, не знала? – страшным шёпотом поведал Сеня.

– Так вроде ж три шестёрки, – таким же страшным шёпотом поправила его я.

– Какие вы, люди, недалёкие, как две извилины, – опустил весь род людской Семён.

– Так просто вам все тайны и рассказали. Шестью три сколько будет?

– Ну, восемнадцать, – почесала макушку, по-прежнему ничего не понимая.

– Вот! – поднял вверх совершенно не костлявый указательный палец товарищ Смерть.

– Чего «вот»? – опять протупила я.

– Восемь плюс один сколько будет? – рыкнул Сеня.

– Девять.

– Вот!

– Чего вот-то? – у меня почему-то возникло болезненное ощущение, что я на экзамене у Этгема Трофимовоча и мне популярно объясняют, что по теории вероятностей я круглая дура.

– Ну, ты и тупая, – подтвердил мои страшные догадки Семён. – Умножь на девять любое число, потом сложи цифры, которые получатся, и выйдет девять. Адская цифра! А шестёрками у нас в аду только черти числятся. Поди, подай, принеси. Усекла?

Поняла я смутно. Но подавать видимость Сене, что я совсем безнадежна, не стала.

– А при чем тут рай? – дёрнула я Семёна. – Мы ж в аду вроде как?

– Ну, ты тёмная... – поразился Семён. – Так дорога в рай через чистилище лежит. У нас все схвачено. Ни один новопреставленный мимо не проползёт. Ты думаешь, ты как здесь оказалась? – подмигнул мне он.

– Как? – не, ну, интересно же, как меня вместо рая в ад притащили.

– Знамо как – дед Панас на снежках новую сказку испытывал. Вот они тебя с похмелья, пардон, от избытка чувств и потеряли.

– Какие снежки? Какую сказку? И дед Панас – это кто? – чё-то я ничего не поняла.

– Снежки – это ангелы, ну, белые они и пушистые, как снежки, поняла, да? А дед Панас, можно сказать, личность легендарная – таможенник-сказочник, он при жизни, ну, той, которая не загробная была, передачу "Спокойной ночи малыши" вел.

– За что ж его в ад-то?

– Дык все за те же сказки! Сказка, она ж особого настрою требует, – Семён, как алкаш со стажем, щёлкнул пальцами по подбородку, недвусмысленно намекая, какого именно настрою требует сказка. – Ну, и переборщил Панас с настроем-то. Прямо в прямом эфире и переборщил.

– Как переборщил?

– Как, как? – коварно ухмыльнулся Семён. – Рассказал дитяткам сказку, а в конце добавил – "Вот такая х#ня, малытки!"

– И что дальше? – приходя в себя от шока, поинтересовалась я.

– Шо, шо, сидит теперь у входа в преисподнюю и сказки гонит, пардон, рассказывает. Самая шедевральная была, когда Оксану Ивановну принесли. Ангелы потом три дня вспомнить не могли, кого они приволокли. И рыдали-то так натурально, все причитали – птичку жалко, птичку жалко.

– Какую птичку? – не, ну, я офигеваю с их загробного дурдома.

– Так Панас им сказку про гордого орла рассказывал, пока Владыка Оксане Ивановне по ушам ездил, ну, в смысле, предложение руки и сердца делал, – Семён задумчиво почесал затылок и поправился: – Не. Не сердца. Какую-то он ей другую часть тела предлагал. Не помню. Помню только, что по морде она ему красиво въехала.

– А дальше? – ну, тут я, конечно, к крале респектом сразу прониклась. Там такой чернокрылый бугаина, что железный Арни супротив него дистрофик, а она его по морде. Красивой, между прочим, морде. Самоубийца. Уважаю.

– А что могло быть дальше? – выдал Сеня как само собой разумеющееся. – Владыка рубашку на груди порвал, крылья сложил и под «жалко птичку» с небес-то на землю и кинулся.

– Зачем? – нет, ну, я понимаю, что он вроде как падший, но если из-за каждой бабы с небес падать, так и отбить себе чего-нибудь можно. Хотя как я на него посмотрела, так он, по-моему, на всю голову на этой своей Оксане Ивановне отбитый.

– Как зачем? – вытаращил глаза Семён. – Он же, пока в гипсе лежал, Оксана Ивановна, доброе сердце, – тут Семён опять нервно побил себя по губам и поправился: – Бессердечная тварь, пытала Владыку своими бульонами, котлетами и бужениной.

И вот после слова "буженина" Сёма зачем-то заляпал слюной приборную панельку.
 – А дальше? – даже не знаю, почему я так прониклась, но жутко хотелось знать, запыталась ли краля чернокрылого до победных конвульсий али нет.

– А дальше случилась беда, – трагично поведал Семён. – Запах котлет, буженины и пирожков долетел до рая. В палату к симулянту, пардон, больному, явился Пресветлый, и его ванильная морда стала требовать контрабанду обратно, ну, в смысле, Оксану Ивановну.

– А она что?

– А она... – Семён выдержал долгую паузу, вероятно, чтобы я прочувствовала всю торжественности момента. – Стерва! – гордо изрёк он. – Поправила Владыке подушки, допытала его борщом, а потом повернулась к Пресветлому и нагло так ему заявила, что по законам Божьим она несёт ответственность за того, кого прикормила, и теперь, как порядочная женщина, обязана на нем жениться.

– Замуж выйти, – поправила я Сему.

– Да один черт, – отмахнулся от меня товарищ Смерть. – Муж и жена – одна сатана. Главное, что она самому Пресветлому гарбузовую кашу подсунула!

– Это типа, от ворот поворот? – хмыкнула я

– Это типа – Пресветлый – я не ваша навеки.

– И чего Пресветлый?

– Чего, чего... Обиделся. Сильно.

– И? – не, ну что, я у него интимные подробности так и буду клещами вытягивать?

– И испортил мальчику родословную, – тяжело вздохнул Сёма.

– Какому мальчику?

– Такому, что через девять месяцев после котлетно-бульонных пыток родился, – пояснил костлявый.

Я ненароком выглянула в любезно открытое Мотей окошко и челюсть у меня отвалилась, приблизительно аки у Адки шухлядка.

Картина напоминала эпизод из знаменитой рекламы фэйри про Вилла-Рибо и Вилла-Баджо: ну, когда хозяйственные граждане опосля того, как кого-то зажарили и съели, дружно заметали следы преступления. Огромные котлы со сковородками были вывешены прямо посредине улицы, и толпы маниакально чистоплотных граждан совершенно нечистоплотно вазюкали по ним своими языками.

– А это кто? – пришла в себя я от первоначального шока.

– А-а-а, это... – Семён брезгливо покосился на динамично лижущих котлы и сковороды граждан, – Так лизоблюды, холуи и подхалимы.

– А зачем они сковородки лижут?

– Дурная привычка, – поморщился Семён. – Они поначалу кой-чего другое тут у всех лизать пытались, – Сеня весомо так поглядел на мою «Марфу Васильевну», и мы с ней мгновенно вжались в сиденье и густо покраснели. – А потом Оксана Ивановна, светлая душа, то есть тёмное отродье, – тут же поправился он, – нашла им правильное приме-

нение. И при деле, и на чистящем порошке экономия.

– А сковородки потом куда? – нет, ну мало ли, я про всякий случай спросила, а то вдруг меня тут тоже котлетами и бужениной пытаться станут, так я лучше помру голодной смертью храбрых.

– Ты про эти, что ли? – махнул на облизанную посуду рукой Сёма. – Так на них дед Панас семечки жарит и потом «снежкам» по спекулятивной цене загоняет.

– А зачем снежкам семечки? – любопытство, конечно, свинство, но раз уж я тут как бы прописалась, должна ж я быть в курсе всех местных традиций.

– Сказку закусывать, – ехидненько заржал Семён. – Они когда закуской вход в чистилище заплёвывают, Адка белеет, нервически трясёт плинтусами и бросается им в морду штукатуркой.

– За что ж вы её так? – нет, я, конечно, не ярый защитник униженных и угнетённых, но с точки зрения чисто женской солидарности решила вставить свои пять копеек.

– Сдача она! Калитка заборная, баба базарная, – зло пожаловался Семён. – Поставила ей Оксана Ивановна навороты новомодные на нашу голову. У ней же встроенный блютуз и вай-фай беспроводной. Вот она, как только кто контрофакт в Ад пронесит, так тут же и стучит Оксане Ивановне, а Оксана Ивановна, как женщина хозяйственная – скупая баба, в смысле – опять оговорился костлявый, – ставит все на баланс и заставляет инвентарный номер присваивать. Вот скажи мне: на фи́га моей косилке инвентарный номер, а Моте ейная амортизация, износ и матюки на капоте? Тьфу, – плюнул в окно Сёма.

Мотя резко затормозил у огромного стеклянного здания с кричащей жёлто-красной вывеской «Аддональдс».

Из открывшегося в стене окошка выползла наглая бесовская рожа и, ляпнув мухобойкой ползущую по стойке муху, чертяка торжественно провещал:

– Свободная касса!

– Жрать будешь? – повернулся ко мне Семён.

– Я фаст-фуд не ем, – брезгливо поморщила нос.

– Я тоже, – гыкнул Сёма. – У меня тут товарообмен. Взаимодобственный.

– Мы рады вам, вы благодарны нам? – догадалась я.

– Сечёшь, – довольно подмигнул мне товарищ Смерть, вытаскивая из-под сиденья связку чеснока.

– Это чего?

– Это дефицитный ингредиент для пампушек, подчерёвка и кровяной колбасы, – ухмыльнулся адский недохакер.

Что-то я совсем запуталась. Причём тут пампушки и колбаса?

Сёма в этот момент протянул чеснок черту, и тот, воровато озираясь по сторонам, быстро спрятал его под прилавок, а оттуда вытащил какой-то увесистый свёрток.

По салону разнёсся сногшибательный запах запечённого мяса, вызвавший у нас с Семёном повышенное слюноотделение.

– Фирменное, от Оксаны Ивановны, – шурша бумажкой, облизался легендарный собиратель жизней. – На, попробуй, – протянул он мне ломоть чёрного хлеба с куском сочной подчерёвины.

– Тут такое готовят? – поинтересовалась я, удивлённо покосившись на вывеску заведения.

– Ты что, дура? – запихиваясь бутербродом, покрутил мне у виска Семён. – Это же седьмой круг Ада! Тут обжоры, гурманы и чревоугодники живут. Гамбургер – их вечная кара! Бес, гляди, – указал он чертяке на выползающего на карачках их дверей «Аддональдса» посетителя, – у тебя клиент сейчас сдымит.

– Куда? – ехидно прищурившись, ляпнул по стойке мухобойкой черт. – Свободная касса!

Ретирующийся по полу в сторону выхода мужик, всем своим внешним видом напоминающий большую сосиску, затравлено сглотнул, подскочил вверх, словно его кто вздёрнул на верёвочках, а потом медленно поплёлся обратно. Взяв с прилавка жирный гамбургер, он обречённо засунул его себе в рот и, с остекленевшим взглядом принялся жевать.

– Так-то! – подмигнул мне Семён. – А чеснок мне вомперы в обмен на кровяную колбасу поставляют. У них общага в аккурат на границе с Раем находится. Они по утрам зубы томатной пастой красят и херувимам жуткие рожи корчат, а те в них с перепуга связками чеснока бросаются.

– И? – пытаюсь понять логическую цепочку, выстроенную Семёй, потянула я.

– Чего «и»? – перекивил он. – Не растёт в Аду чеснок! А без чеснока какие пампушки и буженина?

– Логично, – дожёвывая, надо сказать, очень вкусное мясо, кивнула я.

– Вот и приходится выкручиваться, – вздохнул товарищ Смерть. – Клыкастые мне поставляют чеснок, я его отдаю чертям, черти его приносят Оксане Ивановне, а она за это расплачивается мясом, колбасой, салом и подчерёвкой. Товарообмен! Взаимодобственный!

– Сложно-то как у вас все, – удивилась я. – А не проще ли организовать поставки чеснока напрямую из мира живых?

– Ты что? – аж затрясся Семён. – Это же с Адкой делиться придётся, а у неё глотка безразмерная, сколько ни дай – все мало. Вот ей, – мстительно скрутив кукиш, выдохнул он. – Облезет!

Облизав пальцы, Сёма довольно погладил своё пузо, а затем, нажав на педаль газа, резко рванул с места.

Впереди замаячили высокие крыши, судя по всему, какого-то элитного посёлка, и Мотя, клаксоня и газуя, помчался вперёд, подмигивая всеми лошадиными мордами на своём капоте.

– Ну чё, малая, – сверкнул золотой фиксой Семён, затормозив перед воротами огромного чёрного особняка. – Приехали! Ща будем судьбу твою дальнейшую решать!

– Где это мы? – опасливо поёрзав Марфой Васильевной по сидушке напряглась я. Нет, двум смертям оно, конечно, не бывать, но как-то мне фраза насчёт моей дальнейшей судьбы сильно не понравилась.

– Знамо где! – гордо расправил плечи Семён. – За СКАДом! Оно самое, – восхищённо кивнул он на роскошный особняк за забором. – «Гнездо разврата»!

«Гнездо разврата» выглядело до развратности непристойно. В смысле, забор из скелетов, выставивших на показ свои тазобедренные кости, не давал усомниться в том, что развратят вас здесь вас до самого основания. Особенно эротично смотрелись разрисованные под этнос глиняные горшки на их аккуратно обглоданных, ласково улыбающихся черепах.

Сёма нажал на кнопку у себя на приборной панельке, зазвучала мелодия «Люди гибнут за металл», и скелетоны, изображавшие калитку, присели в глубоком реверансе, а затем, взявшись за руки, исполняя танец дохлых лебедей и гремя в такт костями, стали расползаться в стороны, как отъезжающие ролеты.

Мотя, проехав по мощёной дорожкой плиткой дорожке, остановился у блестящих мраморных ступеней особняка, на которых вместо положенных по статусу спящих львов почему-то, похрапывая, дремали розовые откормленные свиньи.

Двери дома резко распахнулись, и на крыльцо, вальяжно озираясь по сторонам, вышел уже знакомый мне крылатый богатырь. Дядька сладко потянулся, расправив охренительные крылья, а опосля, почесав мускулистую голую грудь, радостно запел красивым баритоном:

– Выйду на улицу, гляну на село, черти гуляют и мне весело...

Из-за его необъятной спины высунулась краля, уже без бублика, с распущенными по плечам черными волнистыми волосами, тоже неприлично мурлыкая себе поднос:

– Ой, не питай де була я, чому розплетена коса...

На шее у тётки красовался жизнеутверждающий фиолетово-синий засос, юбка почему-то была повёрнута змейкой вперёд, а пуговички на кофточке через одну отсутствовали.

Дядька лукаво улыбнулся и, завернув в левое крыло раздумавшуюся тётку, жарко прижал её к своему нехилому торсу.

– Люся, – сладко замурлыкала краля, вырисовывая коготком на груди крылатого богатыря неприличное слово. – Ты не забыл, что ты на мне обещал?

– Чего я только на тебе не обещал... – растянулся в белозубой улыбке мужик.

Краля игриво пнула Люцика локотком в бок и таки состроила ему глазки.

Эта чумовая парочка как-то странно подмигнула друг другу, а потом уставилась на меня, как голодные хищники на тушку ягнёнка.

Извращенцы! Точно! Не сожрут, так развратом со мной займутся! Боязно так стало. И чей-то мне их Ад сразу разонравился. Как бабка пошептала.

– Ну что, Гея, жить хочешь? – голосом змея-искусителя поинтересовался Люцик.

– Х-хочу, – боязливо попятилась назад я. Фиг его знает, что у этого маньяка чернокрылого на уме.

– Это твоё последнее желание? – голос у Люцка стал приобретать какие-то странные свойства. Теперь казалось, что он звучит в моей голове.

– У, ты ж, мой гад ползучий, – краля ласково потёрлась щекой о богатырское плечо, и крылатый резко щёлкнул пальцами. Меня шандарахнуло так, что искры из глаз посыпались, а потом мир стал, стремительно ускользая, вращаться у меня перед глазами...

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА

www.snezhnaya-aleksandra.ru